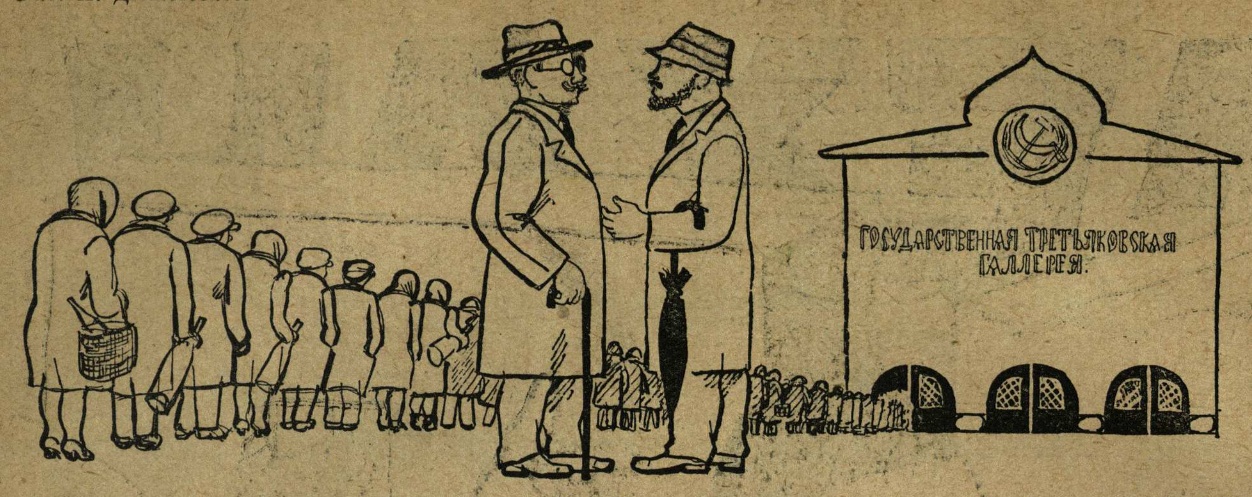
ИЮЛЬ 1928 Г. № 26 ШЕСТОЙ ГОД ИЗДАНИЯ ЦЕНА 15 КОП.

Рис. М. Черемных

НАЧАЛЬНИК (на пляже):—Вот, чорт возьми, приехал без секретаря... От кого же я теперь получу донесение о температуре воды?

Рис. Н. Денисовского

КУЛЬТУРНАЯ ОЧЕРЕДЬ

— Как велик спрос на искусство! И всегда такая очередь?

— Нет. Это сегодня кто-то пустил слух, что тут — много холста и масла.

БАРД КУЛЬТУРЫ

В Туркестане, в Коканде, умер заведующий местным отделом народного образования.

Город давно не видал уже торжественных и пышных похорон, какие организованы были на этот раз кокандскими властями и общественными организациями, с любовью и грустью предавшими сырой земле тело безупречного борца за культурную революцию и социалистическое просвещение в крае.

В день похорон в Коканде закрыты были все учреждения, магазины и школы; даже несознательным папиросникам, чтобы приобщить их к общественной скорби, запрещено было выходить с лотками на улицы.

Всюду реяли флаги, мелькали траурные повязки на рукавах пальто и пиджаков, зелень и цветы украшали нарочно похоронный кортеж и устилали последний путь покойного.

За гробом, неся знамена и плакаты с лозунгами, шли партийные и общественные организации и колонны шкрабов и школяров.

Печально звенели серебряные трубы оркестров, мерно выбивала шаг почетная рота национальных войск, колыхались плюмажи на головах слепых, покрытых белыми сетками, лошадей.

Было грустно, и вся торжественная обстановка и почести говорили об исключительных заслугах покойного перед делом революции и о любви и безграничном уважении явившихся отдать последний долг, товарищей, друзей, сослуживцев и горожан.

На кладбище начались речи.

— Мы хороним сегодня не только отличного товарища и человека — сказал, между прочим, первый оратор, — но и неутомимого работника на ниве народного просвещения. Покойный, позволю себе так выразиться, был бардом культуры в кокандском округе. Он умер, но дела его живы. Обнажим же головы над прахом светлой личности, память о которой навсегда сохранится в сердцах благородного населения.

— Покойный — начал второй оратор, — принадлежал к героической и славной плеяде борцов за светлое будущее человека. Он погиб, завещая нам сеять разумное, доброе, вечное, как настоящий часовой культурной революции, на своем боевом посту.

Третий оратор был краток.

— Жизнь, дела и кончина усопшего — сказал он, — должны быть путеводными вехами для других. Идите по стопам этого человека, мужественно отдавшего жизнь делу, которому он так беззаветно служил!..

Торжественно и скорбно звучал марш, осыпались цветы, склонялись над свежей могилой расшитые траурные знамена.

Ораторы, призывая выполнить заветы покойного и следовать его светлому примеру и делам, выступали один за другим.

Никто из них не сказал только, как именно погиб, сея разумное, доброе, вечное, бард культуры кокандского округа: он разбился, упав пьяным с церковной колокольни, куда залез ночью, об'явив собутыльничкам, что сейчас соберет, ударив в набат, горожан и будет держать перед ними сверху речь о пользе просвещения в подведомственном округе...

А. Зорич

„ПОЗВОЛЬТЕ ВАМ ВЫЙТИ ВОН!..“

Недавно во многих профсоюзах Англии происходили выборы делегатов на предстоящий в сентябре конгресс трэд-юнионов. Соглашатель Персель потерпел поражение при выборах делегатов в союзе мебельщиков.

Рис. Б. Малаховского

ПЕРСЕЛЬ: — Как, однако, выборщики под орех меня разделали! Впрочем, на то они и мебельщики!..

„АКТИВИСТ“

Вузовец Василий Феклов перед отпуском на летние каникулы зашел в комиссию по работе в деревне и сказал:

— Вот что, товарищи, завтра я уезжаю к себе домой в Тульскую губернию... так что дайте книжонок для распространения среди крестьян, как я сам деревенский.

В комиссии ему очень обрадовались:

— Уж две недели, как у нас висит об'явление, чтоб от'езжающие в деревню студенты зашли к нам за литературой... Но ни одна собака не показывается... Замечательно сделали, что зашли... Присядьте, сейчас мы вас нагрузим.

Перевязав ремнем книжки, Василий Феклов взвалил их на плечи, крепко пожал лапы товарищам из комиссии и вышел.

В общежитии он сказал своему соседу по койке:

— Миша! Ты книжек для деревни захватишь с собой?

— На кой... — ответил меланхолично Миша.

— Если тебе не надо, то возьми для меня, а то я собираюсь этим летом как следует поработать среди крестьян, а у меня может не хватить литературы. Сделаешь?

— На кой... — ответил так же меланхолично Миша. — На кой чорт они мне дались?

— Да не для тебя, а для меня. Если ты не собираешься быть активным, так хоть не мешай другим! — строго проговорил Феклов и, сплюнув с презрением на пол, прибавил:

— Позор!.. Сейчас культурная революция, а он, как свинья.

— Ну, ладно, не скули. Завтра пойду в университет, пойдем вместе и захватим.

На следующий день Василий Феклов сложил под свою кровать новую пачку книг. В тот же день он сагитировал еще двух товарищей, и к вечеру уж часть книг из-под кровати перекочевала на подоконники — там им было тесно.

В самый день от'езда (поезд уходил в 8 ч. 40 м.) он зашел еще в городскую комиссию по снабжению литературой отпускников, уезжающих в деревню, и получил еще несколько десятков полезных книг для крестьян. Там же его инструктировали: „Постарайтесь побывать на ярмарках, на базарах, — вообще, в местах скопления крестьян!“ и посоветовали обязательно обратиться в губернскую шефскую комиссию: там его тоже снабдят соответствующей литературой.

В Туле Василий Феклов слез утром. Взвалив на плечи завернутые в рогожу книги, он спросил у прохожих:

— Как ближе пройти на базар?

— Прямо, через мостик и налево.

Выбрав на базаре место повыше и посуше, он свалил рогожу с книгами, и вскоре раздался его звонкий, молодой голос:

— Любая книга десять копеек! Только десять копеек!

Приехавшие на базар крестьяне выбирали книги, которые потолще, и платили гривенники.

А Вася продолжал надрываться:

— Только десять копеек! Любая книга!.. Только десять копеек!..

Б. Левин

НЕОПРОВЕРЖИМОЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВО

Рис. Б. Ефимова

— Напрасно говорят, что мы расширяем нашу морскую программу... Всего лишь на днях нами единогласно выкинут из программы „Броненосец Потемкин“.

Рис. В. Козлинского

СЕМЕЙНАЯ САМОКРИТИКА

— Бедняжка мучается уже два дня и все еще не может разрешиться.
— Ах, не говорите, доктор, — даже в своем доме нельзя избежать волокиты!

НЕИЗЛЕЧИМАЯ БОЛЕЗНЬ

Мальчик, воды!

Укутанный в простыню, я сидел перед зеркалом, покорно ожидая своей участи. Человек в белом халате вертелся около, выправляя орудие пытки, с треском разрывая бандероль стерилизованной кисти и одновременно развлекая меня разговором:

— Служите-с?

— Да, — угрюмо роняю я.

— На государственной или на частной?

— Нет, — говорю я.

— По торговой, значит, части?

— Да.

Мальчик принес воды. Я весь покрылся мыльной пеной.

Во время бритья я успеваю ознакомиться с ценами на масло, узнаю точку зрения моего парикмахера на события в Китае, а также о раскрытии какого-то загадочного убийства.

Бреюсь я у этого человека уже два года. За это время я успел узнать массу интересных историй о том, как он когда то сам держал мастерскую, что у него был брат, очень похожий на меня, о том, какие бывают иногда чудаки-клиенты и многое другое.

Примерно раз, а иногда и два в месяц весь ассортимент разговоров опять начинался сначала.

— Служите-с?

— Да...

— По торговой части?

— Да.

— Что-то нынче теплее стало.

Однажды мне это надоело, и на очередное „Как побрить прикажете?“ я ответил:

— Молча, пожалуйста!

С минуту он жевал мой ответ, а потом как ни в чем не бывало начал рассказывать про своего брата, который был очень похож на меня.

— Беспокоит?

— Да, беспокоит. Очень.

— А бритва острая?..

— Я не о бритве. Мне разговаривать вредно. Врачи запретили.

— Скажите пожалуйста! Что же это у вас: болезнь такая или на нервной почве?

— У-у...

— Вам что же, — только говорить нельзя или слушать тоже?

— Тоже...

— Вот у меня один знакомый был, так у него тоже, можете себе представить, туберкулез горла был, ужасная болезнь! Вы что же: служите или по торговой части?

С. Карташов

АССОЦИАЦИИ СЧЕТОВОДА ПТИЦЫНА

★ *В санатории больному полагается три процедуры в день. Пустяки! У нас в тресте больше: из-за одной справки не меньше 25 процедур в день.*

★ *Вчера ездил на грязи... А у нас в управлении и ездить не надо — к тебе принесут...*

★ *Мы с председателем теперь на одном уровне... моря.*

★ *Третий день холодно. Идет дождь. И до сих пор нет опровержения... Ну и Крым!*

★ *Где тут открытое море? Где широкие горизонты? Почему нет справочного стола?*

★ *Цветы стоят полтинник штука. Это только цветы... а скоро будут ягодки...*

★ *Говорят, в море есть давление снизу. Ерунда! Давление может быть только сверху.*

★ *Вода — 20°... Если бы еще 20°, море было бы по колено...*

Списал *Мих. Коссовский*

„МОСКВА, МОСКВА...“

Рис. А. Радакова

1. ЗВЕРИ В ЧЕЛОВЕЧЕСКИХ УСЛОВИЯХ.

РТУТЬ

Ященко приехал в Москву специально для того, чтобы повидать товарища Гайкина и поговорить с ним относительно летней экспедиции, в которой Он—Ященко—должен был принять участие.

Ященко дорожил временем. Он хотел сегодня же выехать из Москвы и поэтому прямо с вокзала отправился в учреждение, в котором работал Гайкин.

Обшарив близорукими глазами доску с указанием отделов и подотделов и, не найдя нужного, Ященко подошел к девице, сидевшей за столом справок, и заявил ей, что желает видеть по очень важному и спешному делу товарища Гайкина. Девица подняла указательный палец кверху и, не глядя на Ященко, изрекла: „Второй этаж, комната 213.“

Ященко вежливо откланялся, сказал „Благодарю вас“ и пошел по указанному адресу.

В комнате номер 213 восседал в горизонтальном положении бритоголовый, весьма энергичного вида, человек и читал какую-то бумагу.

Не меняя позы, он повернул голову в сторону вошедшего Ященко и вопросительно уставился на него, как бы говоря: „Ну-с, я вас слушаю. В чем дело, товарищ?“

— Я приехал...—сказал Ященко, но тут зазвонил один из трех настольных телефонов.

Бритоголовый взял трубку.

— Алло!.. Я... Здравствуйте... Что?.. Да... А?.. Да, да... Ага... Хорошо... Так, так... Ну, пока.

— Простите,—сказал он, кладя трубку,—я вас слушаю.

— Я приехал...—начал было Ященко, но новый телефонный звонок не дал ему договорить.

Бритоголовый привычным движением поднес трубку к уху.

— Слушаю!.. Что?.. Оля?..—он принял вертикальное положение, прикрыл рот рукой, и голос его сделался тихим и вкрадчивым. — Что?.. Нет... Уверяю тебя, что нет... Честное слово... Ну, ладно. Потом поговорим. Позвони через полчаса... Да... Я сейчас занят.

2. ЛЮДИ В ЗВЕРСКИХ УСЛОВИЯХ.

Вероятно, этот разговор не имел никакого отношения к служебным обязанностям бритоголового. Скрывая смущение, он с преувеличенной деловитостью спросил Ященко:

— Так в чем дело, товарищ?

Но не успел Ященко открыть рот, как снова затрещал телефон.

— Прямо игра какая-то!—с огорчением подумал Ященко, глядя на разговаривающего бритоголового, который минут десять то кивал головой и поддакивал:—„Да, да!“, то отрицательно мотал ею, восклицая — „Нет! нет!“

Покончив с этим несложным занятием, бритоголовый повернулся к Ященко и, как показалось ему, с досадой спросил:

— Ну, так в чем же дело?

— Я приехал...—успел было произнести заученную фразу Ященко, но в этот момент в дверь просунулась голова какого-то молодого человека, который озабоченно выкрикнул:

— Вас просят, Иван Петрович!

Бритоголовый сорвался с места, на ходу кинул Ященко: „Я сейчас!“ и исчез.

Прошло около часа. Ященко начало казаться, что он сидит здесь со вчерашнего дня. В комнату заглянул какой-то лысый человек, повертел головой, сказал — „Что, никого нет?“—и, не ожидая ответа, скрылся.

Затрещал телефон. Вероятно, звонила Оля.

Ященко с ненавистью покосился на аппарат и подумал, что хорошо бы, пока никого нет, перерезать провод. Пусть тогда звонят.

Терпеливое ожидание сменилось у Ященко негодованием, возроставшим с каждой новой минутой.

Наконец, бритоголовый вернулся.

— Послушайте, товарищ! — шагнул к нему Ященко.—Я приехал...

Словно издеваясь над ним, затрещал телефон. Бритоголовый схватился за трубку.

— Безобразие! — разозлился Ященко.—Хамство! Что он издевается, что ли?.. То-ва-рищ!— заорал он, когда бритоголовый кончил разговаривать.—Я дорожу временем! Мне некогда здесь сидеть по целым часам! Я приехал...

— Товарищ! Во-первых, не орите!—сурово перебил бритоголовый, — а, во-вторых... — но досказать, что во-вторых, ему не удалось. В комнату ворвался какой-то желчный гражданин и, отстранив Ященко, вцепился в бритоголового, требуя от него ответа на свое заявление, поданное три месяца назад.

— Товарищ!—сердито оборвал желчного гражданина бритоголовый. — Вы же видите, — он махнул рукой в сторону Ященко, — я занят! Я не могу разговаривать сразу с двумя!

Затрещал телефон. Бритоголовый поспешно, словно радуясь возможности отвязаться от назойливого посетителя, схватил трубку и подбросил ее к уху.

— Алло!.. Да, я... Что?.. Что же вы мне раньше не сказали?.. Безобразие!.. Я же просил!..

Он сердито швырнул трубку, сгреб со стола портфель и побежал из комнаты, в дверях крикнув:

— До завтра!

Александр Архангельский

НАРЯДНЫЕ МЫСЛИ

1. Если тебя раздели на улице, вспомни о наряде милиции!

2. Как-бы не была капризна мода, твоя жена, идущая в ногу с модой, капризнее ее.

3. С миру по нитке — экономия на рубашках.

4. Пользуясь рабкредитом, легче получить по шапке, чем по костюму.

5. Говорить о тонких материях можно и не интересуясь контрабандным шевиотом.

М. К-ий

ПУГАНАЯ ВОРОНА

Рис. В. Козлинского.

— Сейчас будут Францию передавать.
— А... извиняюсь: это без заграничного паспорта слушать можно?

ИГРА В ПЕРЕПИСКУ

Главбух и помбух механ. цеха на трехгорной мануфактуре, сидя в одной комнате, между собой не разговаривают, а пишут друг другу отношения.

I. „ОТНОШЕНИЕ“ ГЛАВБУХА

М. С. Н. Х.
Всекондитерская фабрика
Главбух
25 мая 1928 г.
№ 67.

Помбуху Васяткину.

Уважаемый товарищ!

Сообщаю Вам, что подготовительные работы к общему балансу должны быть готовы ориентировочно к 15 июня с. г. При этом присовокупляю просьбу одолжить мне одну папиросу, ибо таковые позабыты мною дома.

Основание: мигрень после вчерашнего поккера.

II. „ОТНОШЕНИЕ“ ПОМБУХА

Помбух
Васяткин
25 мая 1928 г.
№ 44.

Тов. Главбуху.
Глубокоуважаемый товарищ!

В ответ на отношение Ваше от 25 мая с. г. за № 67 извещаю Вас, что сообщение Ваше о сроке подготовительных работ к балансу принято мною к сведению. Пользуясь случаем выразить Вам мое искреннее сожаление по поводу постигшей Вас нервной болезни, именуемой мигренью, препровождаю при сем одну просимую Вами стандартизованную папиросу, расписку в получении коей благоволите выслать.

Приложение: упомянутое (1 папир. „Басма“).

III. „ОТНОШЕНИЕ“ ГЛАВБУХА

Главбух
25 мая 1928 г.
№ 68.

Помбуху. На № 44.

Подтверждая получение почтенной папиросы Вашей, прошу о высылке одной спички для закуривания оной, а также коробку, каковая после использования будет Вам незамедлительно возвращена.

Основание: см. отнош. наше от 25/V за № 67.

IV. „ОТНОШЕНИЕ“ ПОМБУХА

Помбух
25/V
№ 45.

Иван Акакиевич!

Согласно просьбы Вашей при сем препровождается коробка спичек и просьба бухгалтера Сиводуева о возврате ему стоящих на Вашем дебете 5 (пяти) рублей, взятых Вами заимообразно во время упомянутой Вами в отношении от 25 мая с. г. за № 67 карточной игры.

Приложение: коробка спичек.

V. „ОТНОШЕНИЕ“ ГЛАВБУХА

25/V
№ 69.

Гриша!

При сем возвращаю тебе спички.

Приложение: кукиш с маслом для кредитора Сиводуева.

С подлинным верно (подпись) *Аргус*

ЛЕГКОМЫСЛЕННЫЙ ОРАТОР

Рис. А. Радакова

— Как приятно видеть этот пафос строительства! Не забыть бы в докладе примерчик привести...

— Как быстро идет стройка! Подтянулись наши строительные организации... Не забыть бы в докладе...

— Ишь, черти, как насобачились! Экую махину в два месяца возвели! Бегу делать доклад...

— Гос -с - поди!.. Что за наваждение!!!

ОТПУСК И „ПОПРАВКА“

Обычно его день складывался из собраний, совещаний, согласований, увязок и прочих дел хорошо нагруженного активиста. Домой он являлся изредка, чтобы оставить записку жене (жена была тоже активистка и хлопотала по своим совещаниям и согласованиям), повозиться у примуса и несколько часов проваляться на запущенной, как барский сад, кровати.

А дела, совещания и согласования переплетались, начиняли одно другое, наподобие деревянных матрешек, и требовали все больше и больше времени.

К весне же оказалось, что он начал уставать и что в продвидении этого существует институт отпусков.

* * *

В первый день отпуска он проснулся, как всегда: около восьми. Сел на кровати и стал соображать, какие собрания и увязки предстоят ему сегодня. Напридумал десять неотложнейших согласований и тогда только вспомнил про отпуск.

Он остался в кровати и принялся осматривать комнату. В ней обнаружилась масса нового; особенно поразило его невиданное раньше пятно на обоях в виде большого кукиша с бахромой. Осматривая, он время от времени забывал про отпуск и тогда привычной памятью хватался за предстоящие совещания, а рукой — за штаны.

Потом, надумав одеваться, очень удивился своему пиджаку. Пиджак — он твердо это помнил — был куплен, как синий, синим всегда и считался. И вдруг висел на спинке стула — совершенно серый. Однако, по внимательном рассмотрении, выяснилось, что пиджак стал серым от разносортных волос и шерсти, которыми был покрыт, и — главное — от пыли, пропитавшей его насквозь.

Оказалось также, что пыль преобразила и ботинки — из черных — в рыжие. Она внезапным столбом поднялась от дивана, когда герой наш — его звали Чесов, товарищ Чесов, — бросил туда бессмысленный на время отпуска портфель. Пыль осела на полку с книгами, на все грани шкафа и подоконник.

Словом, товарищ Чесов растерянно обнаружил, что до сих пор он жил в окружении пыли. Это как-будто даже его расстроило, и Чесов решил с завтрашнего же дня повести борьбу.

Товарищ Чесов срочно об'явил противопыльную кампанию — пока в масштабе своей комнаты. Он вытер все предметы, находившиеся в комнате, включая французскую булку, внутренности жестяного чайника и самого себя. Водрузив стул на стол, он влез на образовавшийся эшафот и оттуда обпрыгал весь потолок. Затем выволок на двор диван и два часа кряду выбивал его палкой.

Чесов обильно и с харком сплюнул в знак передышки, намеревался сесть, как вдруг заметил вылезающую из внутренности дивана книгу. Книга — само собой разумеется — представлялась в виде бутерброда с пылью. Чесов стер серый слой и узнал популярный труд по биологии, который он приобрел осенью, чтобы заняться самообразованием. Теперь же стояла поздняя весна, а книга еще не была разрезана и, стало-быть, все это время намеченная программа не осуществлялась.

Вспомнив в связи с книгой осенние планы, Чесов осознал, что за долгие осень и зиму он также не успел записаться в жилищный кооператив — для получения двух удобных комнат в новом доме вместо неудобной теперешней.

Не отложил сбережений, которые по самому верному подсчету легко было сделать. Жена — у ней были слабые легкие, — не лечилась и еще больше расшатала здоровье. И даже платье и белье, не пополняемые, хотя постепенное их обновление тоже предполагалось, — теперь вконец износились.

В этом смысле особенно нагло вели себя шнурки от ботинок: последний месяц они каждый день рвались два или три раза. Товарищ Чесов налился кровью и побагровел от ненависти к шнуркам, злобно зашевелил пальцами ноги, и, конечно, подлые шнурки воспользовались случаем лопнуть в середине шнуровки.

* * *

Вслед книги и шнурков Чесов столкнулся с еще большими дезорганизаторами, чем пыль. Ведь для того, чтобы восстановить шнурки вместе с прочим платьем и бельем, чтобы выполнить курс самообразования, отложить сбережения, поправить здоровье и получить удобные комнаты в новом доме, — чтобы проделать все это — требовалось очень много времени. Две недели отпуска тут не могли помочь.

А коли так — какой был смысл бороться против пыли? Все равно благополучие недостижимо. И Чесов злобными пинками ноги начал двигать диван обратно в комнату (от этих пинков, кстати, и шнуркам неприятность: пускай еще раз порвутся). Так — ногами, по-футбольному, диван и был поднят на третий

зумеется, диван от этого не выиграл, но уж одно к одному: поломанная мебель — к изношенному платью, дырявое платье — к скверному здоровью, плохое здоровье — к неудобной комнате и т. д...

Впрочем, единственным и отдаленным утешением оставался еще итог работы активиста, ради которой была без оглядки предоставлена пыли и всяческой косности (от шнурков до здоровья жены) личная жизнь товарища Чесова. Там, на работе, за это время им было сделано что-то реальное.

* * *

И все же товарищ Чесов ходил злой, нарочно марал штукатуркой платье и, проходя по садовым дорожкам, пылил шаркающими шагами. И, вообще, встречая пыль, он ехидно подмигивал ей, как сообщнице. Одеваясь, Чесов нарочно дергал и натягивал белье, костюм, обувь. Довольно шипел, когда что-нибудь рвалось или не ладилось. Он купил себе пару шнурков для ботинок и пугал ими — новыми шнурками — старые, рвавшиеся: вынимал новые шнурки, подносил их к ботинкам и потом грозил пальцем старым шнуркам. Вдел новые шнурки только через неделю.

Однако, отдаленные оправдания всей этой обволакивающей косности продолжали существовать — на службе. И после нескольких дней самоотверженного ехидства Чесов захотел черпнуть там уверенности для дальнейшего существования рядом с пылью. Он нарочито-беззаботно (без портфеля) пришел в отдел, где работал. Улыбаясь, приветствовал сослуживцев и сел даже не на стол своего заместителя, а как самый сторонний посетитель, — на поломанное кресло у двери. После обязательного выражения зависти чесовскому отдыху, разных взаимных осведомлений и шуток один из товарищей спросил:

— Да, вот еще что, брат: ты наверное знаешь, как нам поступить с теми суммами культфонда, ну, знаешь — остатки и разница?

— Да ведь о них есть постановление, — сказал Чесов, — построить на эти средства спортплощадку. Как-будто, в пятом протоколе фабкома — об этом...

Посмотрели в пятый протокол. Искомого постановления там не оказалось. Перерыли смежные протоколы, и тоже — безуспешно. Товарищ в недоумении почесал подбородок, затылок и ляжки.

— Ты, наверное помнишь, что пятый протокол? — сказал он, — тогда, может быть, пятый-то протокол прошлого года? А ну, посмотрим.

И действительно: постановление, оставшееся втуне, было вынесено в начале прошлого года.

Товарищ, отложив протоколы, заговорил о другом, а Чесов, сам еще не понимая из-за чего, помрачнел и ушел. Уже на улице он стал понимать, что случай с прошлогодним протоколом уничтожал последнюю его цитадель против пыли и косности заброшенного быта. Ибо, если такая же косность встречается в его работе, то из-за этой работы не стоит терять личную жизнь.

Желчь, неудовлетворенность и злорадное ехидство по отношению к себе и окружающим теперь не оставляли Чесова. Он желтел, бледнел и терял кило своего веса с такой легкостью, как будто они помещались в дырявом кармане.

* * *

По окончании „отдыха“ Чесов явился на работу с заранее приготовленной иронической улыбкой по поводу бесплодной суетности этой самой работы.

Но к искреннему удивлению самого Чесова улыбка уже со следующего дня начала таять под жарким напором совещаний, согласований, увязок и прочих дел. Улыбка таяла, испарялась, а вместе исчезала из видимого мира пыль, куда-то уходила раздражающая косность вещей.

И приблизительно через неделю, столкнувшись нечаянно с женою и — что самое удивительное — столкнувшись у себя дома, Чесов уже безо всякой улыбки рассказывал ей о замечательном устройстве новой спортплощадки в клубе, глядел при этом на обои, но не замечал пятна в виде кукиша с бахромой и полоски пыли по багету.

Он рассказывал так оживленно, что шнурки на ботинках не выдержали — лопнули. Тогда товарищ Чесов спокойно нагнулся их связать, нагнулся, не прекращая рассказа.

Через месяц после отпуска товарищ Чесов окончательно поправился.

В. Ардов

Рис. Ю. Ганфа **ПЕСОК И СЛЕЗЫ**

— Шустрый мальчонка! Небось, вырастет — архитектором будет, кооперативные дома строить станет!

ЖУТКАЯ ПРИЧИНА

Рис. Б. Малаховского

— Отчего это вы раньше срока из дома отдыха уезжаете?
— Да меня поместили в одной комнате с каким то рабкором, а у меня дурная привычка во сне разговаргвать [разговаривать].

ТОБОЛЬСКИЕ ПИЖОНЫ

В культурном строительстве, конечно, играет роль каждая мелочь быта. Но когда двуногая мелочь прикладывает свою руку к культурному строительству — становится жутковато.

В Тобольске в кооперативном ресторане при входе в зал висит плакат: „Вход только в галстуках“.

В дальнейшем в таком ресторане появится, наверное, такая надпись:

„Вход в уборные только в цилиндрах“.

УРОКИ КИТАЙСКОГО ИСКУССТВА

Постановк[и] гастролировавшей в Москве китайской труппы внесли мало смятения в умы наших режиссеров.

Да и что в них особенно о. „Ворота“ (в отрывке „Тактика пустого города“) изображены полотнищем на двух палках. „Служителя сцены“ спокойно меняют обстановку на глазах у зрителя. Более того: изображают (отрывок „Тен-Тун Цзи“) пожар с помощью горящей пакли. Обернувшийся спиной к зрителю актер — „ушел“ со сцены. Палка с кистенем в руках у актера обозначает, что он едет верхом.

В этом отношении мы значительно опередили китайское сценическое искусство. У нас:

1) Некоторые деятели сцены не уходят с нее даже если вся публика повернулась к ним спиной.

2) Палка в руках режиссера означает не лошадь, а право не пускать мо одежь на сцену.

3) Когда в руках у критиков появляется не перо, а просто метла — это ничего не обозначает. Не верят, что это метла, а не веер для охлаждения.

ТЯЖЕЛЫЕ РОДЫ

На ф-ке „Красный Перекоп“ директор, проезжая на лошади, увидел по дороге работницу Микшину, у которой начинались роды. Несмотря на все просьбы рабочих довести ее в больницу, директор категорически заявил: „Мне некогда“ и уехал.

Рабочие правильно рассудили дело:

Они устроили выкидыш директора, так бесчеловечно отнесшегося к родам. Директор снят с работы.

Так порой и мужчина переносит в муках роды!..

„ЖАЖДА ЗНАНИЙ“

Мих. Зощенко посвящается.

Герой Мих. Зощенко рассказал бы об этом, примерно, так:

— Между прочим книжные магазины у нас замечательные. Очень хорошие — говорю — магазины. Главное в товаре никогда недостатка нет. Не то, что мануфактура или мелкобуржуазный креп-де-шин.

Я вчера как раз говорю своей Марье Ивановне:

— А на какой — говорю — хрен этот креп-де-шин?.. От креп-де-шина — говорю — ничего хорошего никогда не выйдет. От креп-де-шина — говорю — только разложение свободно может начаться. Сейчас культурная революция идет. Сейчас к книге вплотную подойти надо. Вот в чем дело.

А два часа спустя прохожу я как раз мимо магазина госиздата. Которые любители — стоят у широких окон и довольно нагло, прямо жадно, смотрят на всякие переплеты. Смотрят, прямо облизываются, один какой-то паренек, может — рабфаковец, наверно не скажу — не знаю — говорит:

— Вот где — говорит — книги. Одна другой лучше. Прямо слюнки текут, какие замечательные книги.

Я как раз стою сбоку, слышу подобные выражения, страшно даже волнуюсь, кручусь это возле них, как зайчик на ги аре, и чувствую, что может тут несчастие какое выйти, если я не скажу своего вступительного слова:

— Слюнки — говорю — молодой человек, здесь не при чем. Это — говорю — при наблюдении пирожных, действительно, с некоторыми слабыми людьми бывает. А книга — есть предмет борьбы, и я не позволю о ней подобно выражаться, — иначе, говорю, может прямо несчастье какое приключиться.

Я всегда любил людей, которые поговорить могут, сам я, конечно, тоже не дурак поговорить. Поговорил это я с молодыми людьми у книжной витрины и отошел. А тут как раз двери магазинные — настежь, и люди разные в двери прямо прут, и чорт знает, что, вообще происходит.

— Дай — думаю — и я в магазин зайду, — чем я других хуже. У меня, может, тоже потребность есть, — откуда-ж мне знать. Может, культурная революция — для таких, как я, которые никогда книжки не покупали — как раз и делается, — откуда ж мне знать.

Ну, вхожу. Глаза по полкам разбегаются. Книг — до чорта, — прямо не знаешь, для чего такая масса книг и кому они только могут понадобиться.

Начинаю, конечно, обходить полки. Смотрю на книги. Ничего. Хорошие.

Народу в магазине тьма. Продавцов почти не видно. Свободно, вообще, возле книг. Демократично. Никто тебе в руки не смотрит. Хочешь — щупаешь книгу. Хочешь — платишь в кассе, а не хочешь — никто тебе слова не скажет.

— Вот — думаю — культурная революция. Это — да. Здорово. Действительно — свобода. Не то, что в какой-нибудь бакалейке тебе всякий гнусный частник — в корзину, прямо, как в душу лазит, — с сапогами.

Недавно, например, со мной в бакалейке как раз такая приятная случайность произошла. Купил десяток яичек. Уплатил, конечно. А при выходе гнусный хозяин меня останавливает и говорит:

— Я — говорит — может быть, даже извиняюсь, но вы вместо одного десятка — два положили, — клади — говорит — сукин кот, десять штук назад.

И заглянул, сволочь, в корзинку и десяток целый назад отсчитал. Тоже красивая манерочка. С такими манерочками — прямо невозможно мириться.

А в книжном магазине — не так. В книжном магазине — интеллигентно, достойно и полная девальвация к человеческой личности.

Побыл у полок полчаса, не больше. Книг перещупал множество и ухожу, очень даже довольный культурной революцией. А в дверях какая-то девица меня останавливает и нагло говорит:

— Расстегните — говорит, гражданин, пуговицу, — мне, говорит, очень интересно посмотреть, что у вас под спинжаком творится.

Я даже от этих слов вспыхнул и граждански возмутился:

Я — говорю — пуговицы при людях отстегивать не воспитан. Это — говорю — форменное издевательство над организованной личностью. Стыдно — говорю — при вашем женском состоянии — подобно выражаться.

И иду к дверям. А тут какой-то здоровенный парень:

— Вы, говорит — гражданин — ар п-ские ваши штуки бросьте. Вы под спинжак сунули и медицинскую и химическую, и „билет-тристику“, — от этого вам свободно может только заворот кишек приключиться, а нам — говорит — чистый убыток.

Пришлось тут же на людях растегнуть спинжак, — стыд какой, прямо сгореть от такого стыда можно. А от растегивания у меня четыре книги, действительно, под спинжаком и обнаружились, — хорошие книги, — по три с полтиной каждая. Прямо боль берет. Ей богу.

— Ну, до чего сволочь — говорит парень, который в дверях меня остановил — такому человеку — говорит — прямо надо суд устроить.

А я на первую барышню смотрю и произношу свое вступительное слово:

— Вы во всем виноваты. Если-б — говорю — не ваш гнусный интерес, подлые пуговицы на мужских спинжаках растегивать, — может, как раз и ничего и не приключилось бы. А я — говорю — просто хотел к книге вплотную подойти. Я — говорю — может, за культурную революцию. Может — говорю — я малосознательный, дура какая.

Но тут как раз милиционер вошедши и волокут меня пострадавшего в район. Вот и вся непоправимо-печальная история.

* * *

Так или не так рассказал-бы об этом герой Мих. Зощенко, — не в этом дело. Но книги прямо чорт знает как воруют.

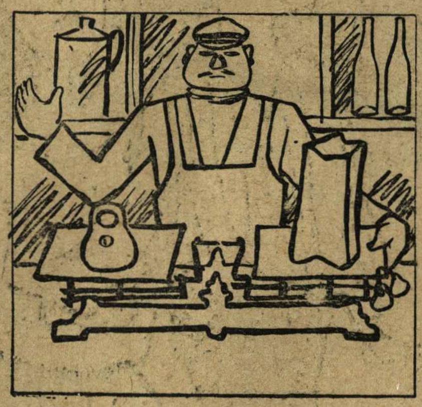
Недавно у какого-то парня отобрали в магазине три книги, потом сделали обыск на дому.

Дома — целая библиотека, в которой все издательства представлены довольно-таки внушительно.

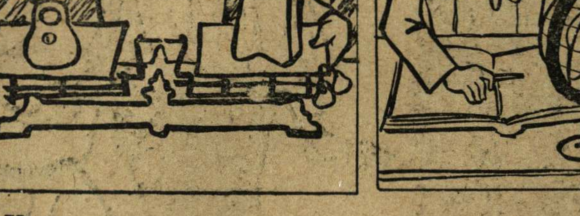
Ал. Светлов

СПОРТИВНЫЕ ТЕРМИНЫ

Рис. Н. Денисовского

Упражнения с гирями

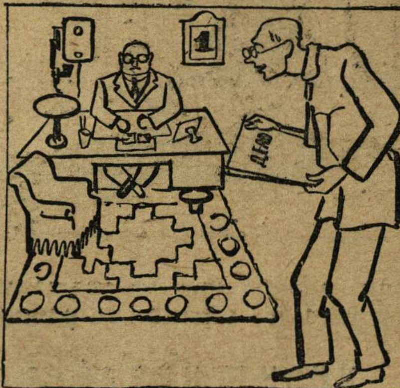

„Плавание“.

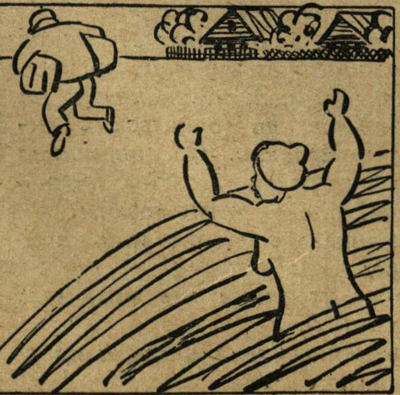

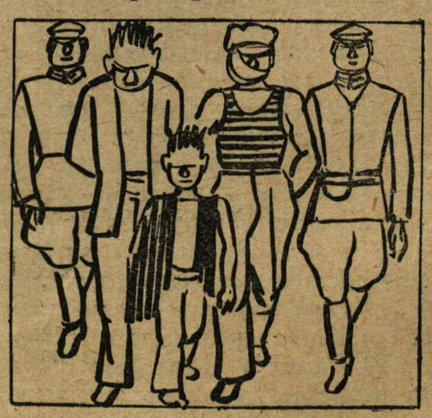
Защита ворот.

Тренировка шеи.

Бег на быстроту.

Сборная команда.

ТАРАКАНЫ В ТЕСТЕ

Борис Лихарев в „Красной Панораме“ (№ 23) в стихотворении „Максиму Горькому“ описывает, как последний собирался в СССР:

Над Капри
Поднимается рассвет...
Он в путь готов...
Другой дороги нет!

Очевидно, Б. Лихарев не читал серии статей М. Горького под общим названием „О пользе грамотности“.

Всем грамотным людям известно, что М. Горький в последние годы жил не на Капри, а в Сорренто.

Б. Лихарев изрекает:

На Капри
Не накрапывает дождь.
На Капри
Апельсины расцветают.

Автор приведенных строк больше разбирается в апельсинах, чем в... биографии М. Горького!

★

„Наша Газета“ (№ 75) подошла к творчеству М. Горького с точки зрения стопроцентного совторгслужащего:

В повести „В людях“ Горький показывает пролетариев прилавка не только в магазине обуви, но и в лавке при иконописной мастерской, а также в торговых рядах нижегородского Гостиного Двора; в повести „Трое“ мы видим рыбную лавку; а в „Жизни ненужного человека“ — книжный магазин.

„Безумство храбрых — вот мудрость жизни!“, „Безумству храбрых поем мы песню!“ — все эти прекрасные слова М. Горького безусловно хороши, но „Нашей Газете“ хотелось бы, повидимому, более конкретных лозунгов.

Не пригодятся-ли эти? —

„Колдоговоры — вот мудрость жизни!“
„Подростков броне поем мы песню!“
Вывешивать на видных местах.

★

„Девичьи безбожно-комсомольские частушки“ предлагает своим читателям журнал „Деревенский Безбожник“ (№ 3):

Поп идет, мечтает: „Мавра
Сейчас курочку подаст“.
А она (?) в отрез сказала:
„Обходимся и без вас“.

„Курица — не птица“ — этот афоризм мы зазубрили с детства.

Но „Деревенский Безбожник“, наоборот, утверждает, что у курицы — строго выдержанная антирелигиозная идеология.

Следовательно, курица — важная птица...

★

Отрывок из романа С. Малашкина „Две войны и два мира“:

Человек с высоким гениальным лбом бесшумно расхаживал по залу своего огромного кабинета.

Уж если писатель ухитрился целых две войны и два мира в одной книге поместить, то, конечно, для него „пара пустяков“ — поместить и зал и кабинет — в одной комнате.

ЖУТКАЯ ПРОДУКЦИЯ

Теперь становится понятно, почему некоторые современники несколько побаивались Стеньки Разина...

Бологовский совет прислал в РКИ несколько бутылок грушевой воды, доставленной в Бологое ленинградским заводом „Стенька Разин“ в качестве образцов небрежного отношения к покупателям. В бутылках плавает мусор, солома и т. д. Из тысячи бутылок с мусором оказалось 320.

Недоставало только одного, чтобы на бутылках вместо скромной надписи: „Грушевая“ стояло более солидное и веское: — „Сарынь на кичку, ядреный лапоть!“.

ОСТРЯКИ В ОЧЕРЕДИ
(Смехачина)

Серию ответов чисто художественного порядка открывает Гн-цов из Краснодара, который решил заменить низменность остроты высокой поэзией:

— *„У кого руки коротки?— спрашиваете Вы“*,— начинает с этих плавных размеренных строк Гн-цов и тут же эффектно заканчивает:

„Тот на руки короткач,
Кто не выписывает на год „Смехач“.

„Не тронули тебя мольбы, так тронет пусть любовь поэта“,— говорит Байрон. Мы вполне согласны с ним, и стихотворное признание краснодарца Гн-цова наполняет наши сердца чувством умиления.

Но зато другой остряк, стихотворец П-ин из Елабуги, прошел мимо нашего сердца, не затронув его размахом оригинальных рифм, а только внушив чувство легкого опасения:

Почему паровоз
Имеет шесть колес?
А опаздывает он
Иногда в сезон,—
Спрашиваете вы
Нас всех, увы!
Пойду вам навстречу
И отвечу:
Потому что паровоз
Имеет четырех колес!

Именно, как говорится: мир — запятым, война — падежам! Советуем П-ну сразу освободиться от двух болезней: и не острить, и не писать стихов.

Но и прозаические ответы очередного присыла утешают нас не вполне. Больше того, не столько утешают, сколько пугают. Даже не так уже пугают, сколько повергают в ужас.

— „У кого руки коротки?“ — задаем мы вопрос.

— *„Руки у всех коротки*— с неожиданной резкой откровенностью отвечает М-йов из Минска, — *а вот собакам хвосты отрубают*“.

По такой системе обыкновенно отвечают друг другу два человека, говорящие на разных языках:

— Имеете ли вы одну уважаемую тетю?

— Благодарю вас, я уже ел эту курицу.

Не столь остро, сколько граждански-скорбно, звучит ответ пермяка И. П. Н—а на вопрос:

— „Почему спрятался месяц за тучку?“

— *„Самокритики боится!!!“*

Остальные ответы весьма напоминают вареную морковь: не блещут, как их ни разукрашивай.

И вот, все-таки,— острите, товарищи!.. Ждем!..

„ЗАВИСТЬ БЛЕДНОЛИЦЫХ“

Рис. Кукрыниксы

ФИЗКУЛЬТУРНИКИ:—Не понимаем, где это он успел так загореть?

40 ЧЕЛОВЕК и 8 ЛОШАДЕЙ
ЗАДОМ К ЗАДУ

Когда река Кама, по словам автора нижеприведенной афиши, находилась в „интересном положении“,— то почему-то именно автор афиши, а не „красавица Кама“, разрешился от бремени следующим „произведением“, напечатанным в количестве 10.000 экз., за подписью заведующего пермским Красным садом А. Гермелина:

На улице весенняя драма:
Красавица Кама
В интересном положении.
Начинается потение,
Ко всему нехотение,
Раскисание...
Ну, как тут быть?
Думаешь, почесывая,
Извините, зад,
И убираешься в сад.
Лучший сад на всем Урале —
Это пермский Красный сад...

Никому, конечно, не возбраняется почесывать то место, которым думаешь, но что означает следующее послесловие к приведенной выше стихотворной афише:

Настоящее произведение (!) написано в строгом соответствии со сметами и договорами Красного сада на сезон 1928 г.

Интересно, все-таки, сколько расходуется по смете пермского Красного сада на почесывание зада изобретательными администраторами?

КУЛЬТУРНЫЙ АФРОНТ

Культкомиссия при МК Новосибирского окружного отдела народного образования опубликовала следующее об'явление:

Култкомисия при мк Окроно извищает, что 8 чесов вечера В клубе Дениpermission ставится постановка силами Драмкружка, выступление сынеблузников, танци играеть, музыка жалающие гра+дане поситить можите пойти вход песплатный Культкомисие.

Очченно антересно! Нильзя ле жалающим получить песплатно патреты етих важдей Новосибирской хультуры. И что ето за ликбезобразие!

ПО СТОПАМ ЧЕМБЕРЛЕНА

До сих пор Казань славилась, преимущественно, „казанскими сиротами“. Сейчас не менее будет прославлена она своими главрежами.

Главреж казанского гортеатра, гражданин Воронов, работающий сейчас в московском театре „Эрмитаж“, желая создать в труппе вокруг неугодной ему актрисы неблагоприятное настроение, раздобыл неизвестными путями письмо, написанное ею одному из друзей в Томск, и огласил его группе артистов на репетиции...

Интересно, как отнесется профсоюзная критика к этой „сцене с письмом“ в театральной перлюстрации режи сера Воронова?

„ЦЕЛИТЕЛЬ ПРОЛЕТАРСКИХ РАН“

Рабкор станции Щигры Г. К. пишет нам:

На ст нцию Щигры Курской губ. забрался поэт Сергей Безродный, который рекомендует себя так: „Сергей Безродный— великий поэт и величайший пьяница“.

Пока он оправдал только вторую половину своей рекомендации. Он требует, чтобы клуб допустил его читать лекцию о „Путешествии по Китаю, Корее и Японии“. Ответственным работникам он подносит такие экспромты:

Товарищу имя-рек на добрую память

Пред вами промелькнул писатель,
Скиталец вечный разных стран,
Добра и истины искатель,
Целитель пролетарских ран!

Мы считаем, что этому величайшему пьянице более пристало читать лекции не о Китае, Корее и Японии, а о своих путешествиях по одной доске.

По Китаю, Корее и Японии пройтись, конечно, доступнее и проще...

Вечному неудачнику — скитальцу по одной доске — мы также вписываем экспромт в альбом:

Ну, что сказать нам о поэте,
Чей стих — несвязных слов набор?..
Писать он может и „мыслете“,
И все, что выдержит... забор.

Издатель —„ГУДОК“. Адрес — Москва, Тверская 28. Отв. редактор — А. Богдасаров.

Главлит № А — 15.690. Отпечатано в 7-й типографии „Искра Революции“ Мосполиграфа, Москва, Арбат, Филипп. пер., 13. Тираж 100.000.

Рис. Н. Денисовского

ЕСТЬ КОНТАКТ!

Текст Ю. Фидлера

1.

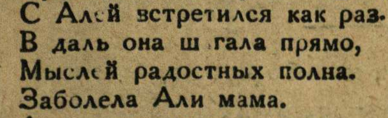
Васька Хрящик в сорный ящик
Дома номер сорок три,
„Шамать“ шкурки, „хрять“ окурки
Лез обычно, до зари.
Чтобы сытно напитаться,
Не жалел он юных сил.
Ваське было лет двенадцать.
Он один на свете жил.

2.

Аля Геркель, с мамой рядом,
Ежедневно в тот же срок,
Улыбаясь встречным взглядом,
Шла к „маэстро“ на урок.
У маэстро танцовали
Люси, Муси, Нюси, Кэт...
Лет тринадцать было Але.
Алин папа — важный пред.

3.

Но, однажды Васька Хрящик,
Пропустивши нужный час,
Пробираясь в сорный ящик,
С Алей встретился как раз.
В даль она шагала прямо,
Мыслей радостных полна.
Заболела Али мама.
Аля в школу шла одна.

4.

Васька смотрит очень косо.
Аля встала... Что за вид?
Мальчик даже не причесан!
Мальчик даже не умыт!
В глазках стройной статуэтки
Жалость, грусть, тоска и страх:
Мальчик кушает об'едки!
Он в разорванных штанах!

5.

Аля, взявши в ротик пальчик,
Вдруг решилась все узнать:
—„Разве это вкусно, мальчик?
Так же можно захворать!
В рваных брюках неприлично
Взрослым мальчикам ходить!
Папа мог бы вам отлично
В лавке новые купить!“

6.

Васька Хрящик, кончив корку,
Тотчас Але дал ответ:
— „Ты, я вижу, бузотерка!
Тормаховый шпингалет!
Если жрать нельзя в столовых,
И из шкуры выйдет прок.
Я бы шлендрил в брюках новых,
Да папашка мой утек.“

7.

В глазках Али — свет печали.
В сердце Али—тяжкий гнет.
И сказала тихо Аля,
Посмотревши Ваське в рот:

—„Да, неважные делишки!
Жить без брюк совсем капут.
Я дала бы вам штанишки,
Но мои не подойдут.“

8.

В тот миг совсем нежданно
Вдруг погасло пламя глаз.
Сверху тускло и туманно
Слышен гневный мамин глас.

Увидавши Алин локон
Рядом с Васькиным вихром,

Мама Алина из окон
Сыплет молнию и гром!

9.

Аля вмиг наверх взлетела:
— „Мама, знаешь!?..“
— „Что за прыть?
С беспризорным как ты смела
Разговоры заводить!?“

Посмотрев на маму зорко,
Аля бросила в ответ:
— „Ты, я вижу, бузотерка!
Тормаховый шпингалет!“

10.

Папа с мамой оценили
Очень быстро дочкин грех.
Алю тут же раз ожили
И отшлепали при всех.
Васька Хрящик в сорный ящик
Так же лазит по утрам,
Так же шкурки и окурки
Добывает твердо сам.

11.

Папы, мамы, дяди, тети!
Беспризорность — горький факт.
В сердце Али вы найдете
С Васькой Хрящиком контакт
Будет вам глазами хлопать.
Ваши меры стоят грош.
Если Алю и отшлепать,—
Ваську этим не сотрешь.
Вы должны помочь детишкам
И скорей. Они не ждут.
Будь желанье, — и штанишки
Безусловно подойдут!

Юрий Фидлер